

блажнство в плотских похотех, в необузданных вожделениях, в неудержанных любодениях и в свободном грешении позволении [положено быти, веруют, которое прочитающе, их неправостию, их уста заградить может]» (*Систима, Преслусовие, стр. 8*).

вати и пленити и чуждая стяжания вземати] (*Пог. 1204, л. 181*).<sup>66</sup>

Во всех приведенных выше отрывках Софроний заостряет отвлеченные, расплывчатые формулировки Кантемира, усиливает их антитурецкий пафос, вводит болгарский и сербский народы в перечень народов, стонущих под ненавистным игом. Вместе с тем более конкретно и точно говорит Софроний о формах социального угнетения, практиковавшихся турками в отношении покоренных народов, столь хорошо знакомых ему по опыту собственной подневольной жизни в селе Котел.<sup>67</sup>

Сказанное выше дает нам ключ к пониманию того, почему именно сочинение Кантемира, вышедшее почти за 100 лет до того, как оно попало в руки Софрония, показалось последнему настолько значительным, что он взялся за гигантский труд по переводу его с русского на болгарский язык.

Как известно, «Систима» Кантемира не утратила своего значения для потуреченных народов балканского полуострова в течение всего XVIII века.<sup>68</sup> «Систима» не просто давала представление о религиозных воззрениях турок, политических и гражданских установлениях Османской империи, она разоблачала царящий в ней произвол, религиозный фанатизм, политическое бесправие угнетенных народов.<sup>69</sup> Для Болгарии, где еще реальна была опасность потуречивания местного населения, разоблачение нелепостей магометанских религиозных воззрений было вполне актуальным.

Перевод «Систимы» был для Софрония еще одним звеном в ряду предпринятых им для спасения болгарской национальной культуры, языка и письменности литературных трудов. Перевод «Систимы» был лишь частью задуманного и осуществленного Софронием (очевидно, в Видине) труда, целью которого было сопоставить три мировые религиозные системы (православие, иудейство и магометанство), сосуществовавшие и соперничавшие в его время в пределах Болгарии.<sup>70</sup> Однако Софроний не предполагал создавать ученый богословский трактат. Задуманное им сочинение — книга о трех религиях — приобретала в условиях порабощенной и униженной Болгарии характер агитационного документа, близкого и понятного народным массам.

Почему Софроний решил дополнить сочинение Кантемира именно автобиографией? Не вдаваясь в подробное рассмотрение всех сторон этой большой и сложной проблемы, укажем на одно из обстоятельств, сыграв-

<sup>66</sup> Здесь и далее в переводе слова, взятые в прямые скобки, добавлены Софронием от себя. Ср.: Копривщенский дамаскин, л. 56 (Д. Петканова-Тотева Неделникът, стр. 13). |

<sup>67</sup> См.: Житие.

<sup>68</sup> Так, например, в 1739 г. сербский епископ Виссарион Павлович просил русский Синод выслать ему «Пуфендорфа книгу арифметическую, Систиму магомеданскую и другие исторические книги» (см.: М. Димитријевић. Траћа за српску историју. — Споменик, I, III, 1922, стр. 63).

<sup>69</sup> Например, рассказ о празднике св. Фоки, рассказ о юноше Николае и др.

<sup>70</sup> «И това ревностное ободрение подвигнало мене та исписахъ то сочинение, за тия три веры и обычаи християнския, еврейския и турецкия, всякий да чететь и да разумееть каковый веры держать християны и каковый еврей, и каковый турцы, и да разсмотреть добре, како есть вера християнская посреде оныя веры». (*Пог. 1204, л. 4 об.*).